

Общие проблемы политической концептологии

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭПОХИ НА ШКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИВЫЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

А.В. Дахин

*Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС*

Аннотация: В статье критически анализируются некоторые распространённые концепции большой политической истории общества и делается вывод о проблеме теоретической абсолютизации идей о естественном неравенстве стран в пределах современности и безусловной подотчётности «неразвитых» стран мира «развитым» странам Запада и США. Автор представляет концепцию политических эпох, в основу которой положены понятие «политический микрокосм», положение о пяти источниках социального порядка, а также положение о четырёх компонентах собственной структуры политического микрокосма. Шкала большой политической истории включает эпоху мифо-династических государств, эпоху религиозно-династических государств, эпоху светских тоталитарных государств, эпоху светских демократических государств. В горизонте XXII в. перспектива большой политической истории после эпохи демократии рассматривается как альтернатива двух опций, в т.ч. перспектива формирования кибер-государства и перспектива сохранения антропоного и социального государства. Все страны мира в равной мере стоят перед этим вызовом истории. Автор отмечает также, что тенденция трансформации теории и политики США и стран Запада соответствует перспективе кибер-государства. В этом контексте российская политическая наука и политика России может занять пионерские позиции, если примет в качестве ориентира XXII века приоритеты сохранения антропомерного государства и приоритеты развития социального государства.

Ключевые слова: политический микрокосм, политическая эпоха, источник социального порядка, социальная память, антропомерное государство, кибер-государство.

Введение. Основные теоретические подходы

Мы живём в своём политическом времени и в нём изучаем современные тенденции и процессы. Зная базовые приметы «нашего времени», мы можем проследить их конкретные проявления в политической жизни отдельно взятого политического региона в любой части мира. С другой стороны, эта методология создаёт контекст достаточно строгих сравнитель-

ных межрегиональных исследований. Однако, попытки определить, что такое «современность» и «наше время» ведут исследователей к использованию различных подходов, по-разному определяющих место политической современности на шкале социально-политической истории человечества. Плюрализм подходов к шкалированию политической истории перестаёт удовлетворять научный интерес российской политической науки. Приступая к осмыслению политического будущего России в горизонте XXII века, нам необходимо сделать выбор, – выбор философской и социально-эпистемологической платформы, на которой мы можем уверенно определять, предвидеть и проектировать приоритеты своего политического будущего.

Чаще всего исследователи опираются на марксистскую теорию общественно-экономических формаций, где идея о существовании единой шкалы и универсальных ступеней человеческой истории была представлена в виде пяти общественно-экономических формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. Опыт СССР, где теория марксизма была положена в основу практик советского социально-политического управления, показал, что теория формаций не работает, особенно в части политического анализа и прогнозирования. Достаточно напомнить, что промежуточная ступень между «капитализмом» и «коммунизмом», получившая название «социализм», в политической науке СССР стала дробиться на собственные промежуточные целевые ступени, такие, как «построение социализма в основном», «построение социализма полностью и окончательно», «построение развитого социализма», «построение социализма с человеческим лицом», но к «коммунизму» это не приближало ни на уровне теории, ни на уровне практики. Тем не менее, фрагменты этой системы исторического шкалирования активно используются для определений актуального состояния политической и государственной системы России. Достаточно популярны термины «феодализм» и «неофеодализм» [Афанасьев 2000: 314; Мазур 2009; Шляпентох 2008] «капитализм» или «государственный капитализм» [Зарубежнов 2014; Фукуяма 2003]. Как правило, эти подходы используют авторитетность и символическую энергетику терминов формационной системы К. Маркса для упаковки актуальных эмпирических данных, имеющих некоторое внешнее сходство с органическим строением отдельных общественно-экономических формаций, описанных классиком.

Альтернативная марксизму система ступеней развития общества была предложена теоретиками постиндустриального/ информационного общества. Э. Тоффлер в работе «Третья волна» предлагает видеть три ступени исторического развития общества: эпоха сельскохозяйственной революции, индустриальная эпоха, постиндустриальная эпоха или информационное общество [Тоффлер 2002: 32–33]. Состояние всей социальной, экономической и политической архитектуры общества эта концепция объясняет одной только научно-технической модернизацией систем информационных коммуникаций, предлагает мыслить общество и его политическую жизнь в стиле прямолинейного инженерно-технического детерминизма, на фоне которого организующая сила культуры, экономики, политики «обнуляется».

Известную марксистскую дилемму «политика» – «экономика» Тоффлер дополняет фактором «технологий» (информационных), а цивилисты – бытием культуры. Обобщая эти подходы, можно выделить пять основных социальных источников, способных генерировать общественный порядок в мире людей, упорядочивать массовые социальные взаимодействия. Одним из оснований этой типологии являются различные формы социальной памяти, работа которой придаёт этим источникам энергию организующего влияния. К источникам социального порядка относим *культуру* (опирается на структуры живой коллективной памяти, носителем которой являются живые сообщества людей), *экономику* (опирается на рамку социальной памяти, носителем которой являются деньги), *инженерию* (опирается на рамку социальной памяти, носителем которой являются технические/кибернетические устройства), *поли-*

тику (опирается на рамку организационной памяти политических институтов), *личность* (опирается на индивидуализированную форму живой коллективной памяти, носителем которой является личность отдельного человека). Наряду с этими социальными источниками, упорядочивания отношений в мире людей, надо назвать также и не социальный источник: это природа, которой свойственна работа структур биологической и физической памяти, благодаря которым существуют устойчивые циклы бытия экосферы планеты. «Память» выделена здесь в качестве основания типологии потому, что именно её присутствие и её работа обеспечивает генерируемым структурам социального порядка устойчивость, непрерывность во времени и в этом смысле фундаментальность. В разные исторические эпохи вклад, доля отдельных источников социальной упорядоченности в общем социальном строе и ритме общества меняется. Общество Античной Греции, где вклад культурной традиции в структуру социальной организации доминировал над вкладом экономики и политики, отличается от современной Греции, где культура давно уступила свою организующую миссию экономике, политике и инженерии. Организующая роль инженерно-технических систем активно возрастает, но это не сводит к нулю влияние других источников социального порядка. В мире XXI века просматривается тенденция радикального доминирования инженерии и киберинформационных систем над остальными источниками социального порядка. Доминирование простирается настолько, что травмирует, разрушает человеческую природу [Кутырёв 2012]. Теория информационного общества даёт одномерную историческую шкалу «этапов», которая принимает во внимание только то, что киберинформационные системы влияют на социальный порядок. При этом, как и иные теории технократического толка, она игнорирует присутствие и действие других источников социального порядка. Несоответствие фундаментальным реалиям привели к тому, что теория информационного общества оказалась не менее утопичной, чем теория коммунизма.

Альтернативу марксизму предлагал и С. Хантингтон. На примере общества Запада (и с позиций интересанта Западной цивилизации) он рисует трёхфазную историческую схему, где из состояния «культур неолитического века» (1) формируется мир цивилизаций (2) [Хантингтон 2016: 61], который теперь (3) стоит на распутье. Для перехода в будущее он должен выбрать либо стратегию универсализации (Хантингтон рассматривает её как нежелательную [Хантингтон 2016: 508]), либо стратегию мирного сосуществования разных цивилизаций при сохранении в каждой из них собственной уникальности (применительно к Западу автор считает её предпочтительной [Хантингтон 2016: 509]), либо стратегию войны цивилизаций (выбор, которой Хантингтон оценивает как маловероятный [Хантингтон 2016: 510–511]). В геополитическом аспекте он ведёт речь о перспективах модернизации ООН [Хантингтон 2016: 519–520], о развитии инфраструктуры НАТО вплоть до сценариев, где Россия становится членом НАТО [Хантингтон 2016: 505, 516]. В этой логике этапность истории, будучи связанной с цивилизационной парадигмой Запада, «перемешивается» с актуальными геополитическими проектами глобальной экспансии США и НАТО, но ответа на вопрос об исторических фазах и перспективах становления политико-государственных укладов Хантингтон не даёт.

Автор «конца истории» Ф. Фукуяма, делая акцент на «универсальное признание человеческого достоинства» [Фукуяма 2003: 380] и мысля в парадигме грядущей постиндустриальной эры, стремится убедить читателя, что демократия, как форма государственного политического устройства, является высшей и финальной формой политического развития: «Логика либерального и демократического политического порядка становится более настоящей, по мере того, как общества экономически развиваются, так как согласование всех разнообразных интересов, которые существуют в нём, требуют одновременно и участия, и равенства» [Фукуяма 2003: 381]. Однако, развёрнутой картины предшествующих этапов «политического порядка» он тоже не обосновывает.

Нетрудно показать и более детально, что упомянутые популярные подходы определяют, преимущественно, культурно-цивилизационные ретроспективы и перспективы, но почти не касаются вопросов внутренней «генетики» и внутренней исторической логики перемен политического устройства государств, в т. ч. и перспектив государства в будущем.

Марксистская теория исчезновения государства при коммунизме опиралась на утопию социально-классовой однородности общества в будущем. Фукианская идея «растворения» институтов государства в структурах «власти-знания» опиралась на утопию социально-когнитивной однородности общества в будущем. В сравнении с ними альтернативность концептуальной платформы Ф. Фукуямы сводится к тому, что будущее, – то есть система демократии (в частности, республиканская форма правления), – уже наступило, и всё дело только в том, чтобы сохранить эту форму организации государственной власти на фоне вызовов современности (вызовы со стороны мультикультурализма и со стороны технологических изменений [Фукуяма 2003: 382–384] и распространилась по всему миру. Другими словами, Фукуяма обнуляет вопрос о политическом устройстве будущего.

Отечественные, исследователи, часть которых мыслит в таком же примерно русле [Демократия в российском зеркале... 2013], проводят разграничение между цивилизационным и геополитическими аспектами мироустройства, подчёркивая, что именно геополитика сохраняет в поле своего исследования «изолированные организмы – государства» и государственную политику [Панарин 2000: 76]. Но и они, тем не менее, вопрос о внутренней логике становления формаций политического строя и государства в прошлом и в будущем обходят или касаются лишь мимоходом. А.С. Панарин, в частности, говорил о дилемме цивилизационного или геополитического видения вхождения России (и СНГ) в глобальную политико-экономическую систему, отмечая мимоходом перспективное значение федерализма, как формы политической организации [Панарин 2015: 427]. О чертах будущей цивилизации пишет Т.А. Алексеева [Алексеева 2000: 283]. Можно приводить и др. примеры. Как правило, вопросы развития и определения перспективы государственного устройства наши исследователи связывают с дилеммой «авторитаризм» – «демократия» [Мельвиль 2015: 284], элементы которой другими исследователями рассматривается как разные «степени» одного и того же политического устройства [Гуторов 2015: 14] в XX веке. При этом более длинные, превышающие столетия дистанции перемен исторических форм государственного устройства, как правило, не рассматриваются. Относительно новый взгляд на эволюцию представлений об управлении предлагает проф. В.Е. Лепский. Он связывает системы управления с контекстами научной рациональности: классической, неклассической, постнеклассической [Лепский 2015], что сближает этот подход с теориями технократического толка.

Различные исторические формы организации власти и государства (формы правления, системы правления и формы территориальной организации) достаточно известны (монархия, республика, президентская, парламентская системы правления, унитарная система, федерация, конфедерация, авторитаризм, демократия и др.). Современность чаще всего идентифицируется с формой политической организации, при которой власть распределена между институтами государства и негосударственными, гражданскими объединениями, гражданами, и это распределение отражает доли их участия в делах страны. Используются понятия «good government» или «governance», отражающие идею о формировании и использовании ресурсов власти на основе взаимодействия институтов государства и институтов гражданского общества. При этом формы политического устройства далёких исторических времён рассматриваются как начальные ступени современных государственных форм. В частности, афинскую демократию принято достаточно прямолинейно связывать с демократией современной и утверждать, что по сути – это один и тот же тип строения государства (естественно, за исключением некоторых историко-культурных отличий) [Паскуино 2013].

Лингвистическое сходство двух разных политических явлений (понятие «демократия» введено в науку со времён Платона) создаёт ощущение их сущностного сходства.

Особенность приведённых выше Западных теорий стадильности общественного развития состоит ещё и в том, что выделяя «исторические ступени», они одновременно строят на них социальную иерархию стран, где на высоких ступенях помещаются страны, которым приписаны признаки «современности», – то есть щедро наделяются атрибутами развитости и эталонного совершенства, – а на более низких ступенях помещаются страны, которые в предложенных шкалах «исторических ступеней» не дотягивают до современности, то есть определяются как «отсталые», которым суждено вечно догонять эталонную когорту. И какую Западную шкалу исторических этапов развития общества ни возьми, всегда получается так, что неравномерность исторического развития стран конвертируется в утверждение о «естественной» социальной иерархии стран в пределах современности, так что страны Запада – это всегда эталонные носители «современности», а остальные страны, и, прежде всего, Россия и другие постсоветские страны, – это отсталые, вечно догоняющие, а потому «исторически» предназначенные к тому, чтобы послушно следовать указаниям передовой, эталонной когорты Запада. На этом базируется социально-эпистемологическая уверенность политических элит и научных сообществ стран Запада в том, что все незападные страны мира имеют статус «неразвитых» и поэтому должны руководствоваться приоритетами и целями, которые предлагают «передовики» во главе с США. На этом же базируется социально-эпистемологическая основа политики подчинения незападных стран политическому влиянию Запада, центром которого являются США. Поэтому ключевая проблема исторического шкалирования длинных и медленных процессов политической эволюции общества состоит, прежде всего в том, чтобы переосмыслить вопрос о том, как *неравномерность* исторического развития разных стран связана со структурой *отношений разных стран* в рамках современности: насколько однозначна связь *исторической неравномерности* и *современного неравенства* стран, – как это утверждают теории Запада, – или в этой связке есть альтернатива: историческая *неравномерность развития* стран в рамках современности конвертируется в их *равенство* перед лицом актуальных вызовов и предстоящего развития.

Единственный случай в истории XX века, когда Россия достаточно решительно вышла из социально-эпистемологической уверенности в опережающем развитии Запада, – это случай политической теории В.И. Ленина. Именно В.И. Ленин переопределил взаимосвязь между неравномерностью исторического развития стран и их социальной иерархией в современности. Вопреки теории К. Маркса, Ленин утвердил идею фундаментального равенства стран перед лицом актуальной политики и большой истории. Ленин обосновал теорию о возможности построения социализма не в стране наиболее развитого и сильного «капитализма», – как это утверждал К. Маркс, – а в стране слабого «капитализма», но обладающей сильными энергиями традиционной социальной солидарности, общинности, политической «классовой сознательности». Теперь за этим утверждением можно увидеть очертания идеи о том, что «капитализм» не является исчерпывающе полным индикатором общественного развития, а также о том, что «капитализм» не является единственным ресурсом развития общества. Согласно теории Ленина, новую перспективу большой предстоящей истории может открыть страна, которая является «слабым звеном» в системе капитализма, то есть страна,двигающаяся по шкале «капитализма» медленнее иных стран, но именно она может стать передовиком, эталонным образцом перехода на новую ступень истории, – на ступень, где приоритеты капиталистического государства уступают первенство приоритетам социального государства («социализма» в терминологии Ленина).

СССР показал, что общество может развиваться без капитализма. Практика социалистического строительства в СССР, к сожалению, не дала безошибочной политической про-

граммы развития такого общества, череда ошибок и просчётов привела к распаду Союза советских социалистических республик. С этим событием в России угасла и искра идеи о фундаментальном равенстве стран современности друг перед другом и перед лицом большой истории, вновь уступив место западной эпистеме о естественной «отсталости» незападных стран в пределах современности. С этим эпистемологическим откатом в сферу политических теорий и политических практик возвращается печально знакомая со времён «великих географических открытий» Запада иерархия отношения «цивилизованных» наций и «дикарей», которая по умолчанию предполагала миссию «оцивилизации» посредством более или менее жёсткой подотчётности.

Наиболее привычная система «иерархии» выросла из марксизма и оформлена в терминах «экономики» и «экономического развития», за индикаторами которых стал следить Всемирный банк. Речь идёт о социально-эпистемологической системе, в соответствии с которой иерархия современности делит страны мира на «развитые», «развивающиеся» и страны «третьего мира». Дополнительная опция этой же социально-эпистемологической платформы соединяет экономическую иерархию стран с иерархией политической. В соответствии с последней страны делятся на «демократические» и «авторитарные», где «демократические» – это передовая, эталонная когорта, представленная странами Запада под предводительством США, а все остальные страны «авторитарные», отсталые, подлежащие подотчётности Западу. Основной современный политический акцент ставится на том, что судьба стран «третьего мира» / «развивающихся стран», – а они же описываются и как «авторитарные», – сводится к «подотчётности»¹ по отношению к альянсу Запада, со всеми особенностями «вертикали власти», которые при этом формируются.

Не трудно также показать, что приписанная странам незапада «отсталость» в актуальной политике начинает конвертироваться в их «естественную» (то есть не требующую дополнительных объяснений и доказательств) «виновность» перед Западом, которая, – на следующем идеологическом уровне, – требует «естественного» (то есть также не требующего дополнительных объяснений) «наказания» со стороны передового Запада. В результате формируется социально-эпистемологическая основа убеждения в «естественном» праве Запада наказывать страны незапада по своему смотрению. Так были наказаны Югославия, Ливия, Ирак, Сирия, Египет и др. Попытки наказать так же и Россию были предприняты Западом посредством поддержки террористического сепаратизма на Кавказском юге России в 1990-х гг., посредством поддержки попытки вооружённого поглощения Грузией региона Южной Абхазии (2008 г.), посредством множества экономических «санкций», вводимых Западом в качестве наказания параллельно с эскалацией идеологемы о виновности России, которые наблюдаются с 2014 г. по настоящее время.

Таким образом, ключевая концептуальная проблема, связанная с исследованием этапов развития политической организации общества, – это проблема полноценного доосмысления взаимосвязи *неравномерности* исторического развития стран с *философией равенства* всех стран современности друг перед другом и перед лицом своего исторического развития. Другими словами, требуется работа, направленная на переосмысление социально-эпистемологической системы, конвертирующей естественные этапы исторического развития в естественную иерархическую «подотчётность» странам Запада всех иных стран, в теоретическую и социально-эпистемологическую платформу, которая конвертирует естественную неравномерность прохождения этапов исторического развития разными странами мира в естественное *равенство* всех стран современного мира друг перед другом и перед лицом своей предстоящей истории.

¹ Термин «подотчётность» позволяет связать контекст рассуждения с «принципал – агентской» системой политических отношений [Бусыгина, Филиппов 2012].

Общество как политический микрокосм

Чтобы увидеть взаимосвязь *неравномерности* исторического развития стран с *философией равенства* всех стран современности друг перед другом, а также чтобы отделить «лингвистическое» сходство-различие форм политической организации государств в разные периоды истории от «сущностного» (речь о случаях, когда знак равенства ставится между античной демократией и современной демократией, между средневековыми султанатом или феодализмом и современными политическими отношениями) необходимо проделать определённую работу.

Государство и политическая организация общества в той или иной форме существует на протяжении почти всей человеческой истории. Содержание политики и форма государства определяются особенностями соответствующего социального пространства-времени, которые можно описывать с помощью понятия «*политический микрокосм*», которым будем именовать целостную структуру политической сферы жизни мира людей, которая включает как систему институтов государственного управления, так и систему политической организации граждан. Чаще всего, под влиянием идей К. Маркса, особенности государственного устройства привязывают к особенностям экономического уклада в обществе. В этой эпистемологической системе политическое устройство – это всегда следствие экономического устройства, экономическое устройство всегда нечто первичное, а политическое – всегда нечто вторичное. Для доказательства этой теоретической максимы Маркс собрал множество исторических примеров. Однако можно набрать столь же масштабную коллекцию исторических примеров, которые показывают, что политические решения и политика действует вне логики экономического рационализма, но подчиняются своим собственным внеэкономическим установкам. Политические перевороты, случаи смены политических режимов под влиянием бунтов, дворцовые перевороты, восстания и пр. начинаются под влиянием политических идей, политических амбиций, политических ресурсов и вопреки экономическим резонам, а иногда и в противоположность им. Например, США со времён своей независимости строились под влиянием идей «античной демократии», но при этом экономическая логика «свободного рынка», на которую уповал в своей теории К. Маркс, была вынесена за скобки. Именно поэтому «американская демократия» не замечала собственной экономики рабства и расовой сегрегации вплоть до середины 1960-х гг. Запрещённое в России террористическое государство ИГИЛ, возникшее на территории Сирии в конце 2010-х гг., создавалось без какого-либо собственного «экономического базиса», но на основе, прежде всего, политических причин.

Примеры можно продолжать, но и приведённые выше показывают, что есть измерения бытия и существования мира людей, где может быть выявлена собственная логика становления, существования и развития политической сферы жизни общества, где могут быть представлены приметы политического пространства-времени, действующего вопреки экономической рациональности и выгоде. Устойчивые на протяжении больших отрезков исторического времени политические микрокосмы образуют последовательно сменяющиеся друг друга политические эпохи, то есть периоды политической истории, на протяжении которых в мире доминируют государства с теми или иными определяющими элементами политического микрокосма.

Ядро структуры политического микрокосма включает следующие ключевые элементы государственно-политического устройства:

А) циклы смены фигур высшей /центральной власти в обществе, социально-онтологическая основа этих циклов; здесь рассматриваются различные социально-политические механизмы и ресурсы, с опорой на которые влиятельные политические группы генерируют, леги-

тимируют «первого»/«главного» носителя высшей/центральной власти в обществе, будь то античный царь, монарх или халиф Средних веков и Нового времени, президент или председатель правительства нашего времени. В сложившемся политологическом дискурсе этот элемент политического микрокосма попадает в поле исследований в свете понятия «форма правления», где рассматриваются способы единоличного правления (монархии разного вида) и способы коллективного правления (республика в разных проявлениях). Наш подход отличается тем, что фокусирует внимание исследователя именно на фигуре «первого лица» в системе политической организации общества или «первых лиц», если в системе политической организации общества имеет место «двоевластие» или иные формы диверсификации власти. При этом основное внимание уделяется базовым социально-политическим механизмам, которые обеспечивают работу циклов смены фигур, выполняющих полномочия высшей / центральной власти в стране.

Б) мировоззренческая платформа власти; это доминирующая в обществе форма мировоззренческой культуры, участвующая в функционировании и легитимации как системы власти, так и фигуры «первого лица», главного носителя высшей/центральной власти. С доминирующей формой мировоззренческой культуры связана также доминирующая форма коллективной идентичности в государстве и доминирующие особенности работы структур коллективной социально-исторической памяти государствообразующего сообщества. Основное назначение мировоззренческой платформы власти состоит в том, что это фундаментальная основа общегосударственной социально-политической солидарности населения как государствообразующей общности. Мировоззренческая платформа власти может быть исторически сложившейся (как это было в христианской Европе Средних веков) или «принятой» под влиянием власти (принятие христианства на Руси), она может быть более или менее нормативно регламентирована, может быть провозглашена публично или действовать латентно. В сложившейся практике политологических исследований этот элемент, как правило, попадает в рамку исследования политических идеологий. Отличие нашего подхода состоит в том, что предметом наблюдения является массовая *мировоззренческая культура* («общая идеология», как писал А.Ф. Лосев [Лосев 1994: 92] государствообразующего сообщества, а не идеология, которую мы рассматриваем в качестве частного случая мировоззренческой обработки населения.

В) социальная опора власти; это ключевые социальные группы и институты, которые обеспечивают непосредственную общественную и силовую поддержку существованию и легитимации власти, обслуживают политическую деятельность правящей группы и/или лидера. На разных этапах истории общества мы можем наблюдать эпохальные сходства и различия состава и внутреннего строения таких социальных групп. Их анализ позволяет вывить устойчивые конфигурации структур социальной опоры власти, которые определяют характер той или иной политической эпохи.

Г) политический статус основной массы населения/ подданных / граждан; здесь имеет значение, доминирующий формат политических прав широких слоёв населения, возможности и режимы осуществления их массового политического участия. Этот элемент политического микрокосма также вполне доступен для аналитического наблюдения, которое позволяет выявить платформенные устойчивые форматы его политического бытия и существования. Все четыре элемента политического микрокосма меняются на протяжении истории. Периодически они обретают характеристики, которые могут сохраняться в относительно неизменном состоянии достаточно долго. Каждый период длительного устойчивого бытия и существования названных элементов политического микрокосма и их сочетаний позволяет констатировать наличие *исторического этапа* развития политического социума.

В силу неравномерности исторического развития различных стран, различных политических микрокосмов, в один и тот же хронологический момент истории разные страны характеризуются различными характеристиками по всем четырём моментам. Тем не менее, можно наблюдать, что на разных этапах большой истории формируются группы стран, которые определяют глобальный политический климат, а также имеют сходные черты по всем четырём компонентам своих политических микрокосмов. Группы стран, задающих планку доминирующей политической активности, а также долговременно определяющих устойчивый режим политических отношений и глобальный политический климат в сферах своего влияния, – такие группы стран образуют своеобразный базис политической эпохи. Так, во времена Античной Греции и Рима базис политической эпохи был задан греко-римскими городами-полисами и их империями. В Европе Средних веков базис политической эпохи был задан протонациональными государствами (княжества и королевства, как например, Франкское королевство V–IX вв., Византия 330–1453 гг., Генуэзская республика XI–XVIII вв., Казанское ханство 1465–1847 г., Королевство бургундов V–VI вв., Золотая орда 1227–1481 гг., Киевская Русь 988–1240 гг., в т. ч. Суздальско-Нижегородское великое княжество 1341–1392 гг. и пр.) и национальными государствами XVIII–XIX вв. (Франция, Германская империя, Королевство Великобритания, Российское государство XVI–XVII вв. и Российская империя XVII–XIX вв. и др.). Анализ известных сведений мировой истории позволяет сформулировать некоторые концептуальные положения шкалы политических эпох, которая представлена в следующем разделе.

Виды политических эпох

С опорой на изложенные выше положения, – в этом формате, конечно, достаточно схематично, – можно выделить следующие политические эпохи.

1. Эпоха древних мифо-династических государств (Древний Египет, древняя Греция, Древний Китай, Древняя Индия и др.). В основе циклов смены высшей власти – опора на *кровно-родственные связи*, на династичность, антропомерные циклы деторождения смены социальных генераций. В качестве доминирующей мировоззренческой основы (общая идеология) действует *мифо-ритуальная картина мира*, соответствующая массовая культура и социальная структура общества. Социальная опора власти – это правящий *династический клан/династия, жрецы, воины*. Политический статус населения сводится к *патриархальной повинности* одних и к *рабству* других. В целом для эпохи древних мифо-династических государств характерная миссия политики состоит в мифо-ритуальном утверждении родства высшей власти и общества с небесной (природной) иерархией мироздания, а также подчинение этой природно-социальной иерархии родства всей системы управления обществом.

2. Эпоха религиозно-династических государств (в Европе – государства Средних веков и Нового времени и т. п.). Циклы смены высшей власти здесь также опираются на *кровно-родственные связи*, на династичность и антропомерные циклы деторождения смены социальных генераций. Мировоззренческая основа власти (общая идеология) – та или иная *мировая религия*: религия и религиозный ритуал являются неотъемлемым элементом легитимности власти. Ядро социальной опоры власти образуют *правящая династия, родственные кланы, священнослужители, воины*, с XVI в. добавляется *элита торгового бизнеса* (купечества), с XVIII в. – *элита производственного бизнеса* (промышленников) и *государственная бюрократия*. Политический статус населения – *вассальная повинность, повинности*, в т. ч. *налоговые городских сообществ/ граждан*. Для религиозно-династического государства миссия политики – это утверждение носителя высшей власти в качестве помазанника/ наместника Бога на земле, воплощающего в земной общественной жизни заветы Бога и божественной справедливости.

3. Эпоха светского тоталитарного государства (тоталитарные государства XX века). Циклы смены высшей власти опираются здесь на *социальные технологии массовой политической мобилизации и репрессии* со стороны государства. Мировоззренческая платформа власти (общая идеология) – *воинствующий атеизм и тоталитарная идеология* более или менее радикального толка. Так в СССР это была относительно мягкая идеология пролетарского классового государства и социализма. Особенность отечественного микрокосма светского тоталитарного государства состоит в том, что классовая сегрегация в отношении «капиталистов» допускала возможность их «перевоспитания» и интеграции в новое общество (новая экономическая политика / НЭП – пример социальной эмансипации мелкого и среднего бизнеса, практика использования «буржуазных специалистов» – пример эмансипации представителей «буржуазии» и интеграции их в советскую систему хозяйствования и пр.). Даже ГУЛАГ, как индустриальный репрессивный институт в СССР, и тот содержал функцию «перевоспитания», которая сводилась к использованию закрытых форм социальной эмансипации «врагов народа»: заключённым предоставлялись определённые возможности для профессиональной самореализации. Наиболее известными случаями являются «конторы», в которых были собраны профессиональные группы для разработки технологий отечественного ракетостроения, отечественной ядерной физики и др.

В странах Запада действовали наиболее радикальные идеологические системы фашизма в Италии и нацизма, осуждённого международным Нюрнбергским трибуналом за преступления против человечества, в Третьем Рейхе. В Германии был реализован наиболее безжалостный режим расовой сегрегации – нацизм (в т. ч. холокост). Общая идеология строилась на основе теории расового превосходства немцев над всеми иными народами, а потому исключала принципиальную возможность эмансипации прав иных народов в системе Третьего Рейха. Несколько менее радикальная форма того же типа социального неравенства состоялась в США, где расовая сегрегация просуществовала с начала 1860-х до конца 1960-х гг. (законы «Джима Кроу» и т. п.). Этот вариант политического тоталитаризма опирался на идеологию «евгеники», утверждавшей, что африканцы уступают в умственном и психическом развитии белым и должны быть рабами у последних. Британия на протяжении нескольких столетий бала бизнес-организатором работорговли. США, Канада, Британская Австралия дают хрестоматийные примеры жестокой расовой сегрегации индейцев (США и Канада) и аборигенного населения (Австралия), которая сопровождалась массовыми депортациями и заключением этих коренных народов в резервации бесправия. Не случайно, после Второй мировой войны США и Канада приютили у себя многих немецких нацистов.

Социальная опора власти в светском тоталитарном государстве – это правящая *группа политической элиты, правящая политическая партия, экономическая элита* индустриального производства, в т.ч. ВПК, индустриально организованный государственный *бюрократический, репрессивный аппарат, полиция, армия*. Политический статус населения/граждан – *всеобщая трудовая повинность, ограниченные, но равные политические права для большинства* (государствообразующее сообщество), *социальная сегрегация* для меньшинства. В эпоху светского тоталитарного государства базисная миссия государственной политики – это массовая мобилизация населения во имя провозглашённых верховным руководством высших исторических целей, социальная селекция государствообразующего сообщества для обеспечения тотального политического повиновения всего населения политике и интересам верховной власти.

4. Эпоха светского демократического государства (демократические государства второй половины XX – начала XXI вв.). Механизмы смены высшей власти в государствах такого типа осуществляются с опорой на регулярные циклы смены «первых лиц» государства посредством института выборов; они связаны также с циклами социализации сменяющих друг

друга возрастных генераций правящих элит. Мировоззренческая платформа (общая идеология) – это *светский мировоззренческий плюрализм*, в среде которого, тем не менее, устанавливается *перечень приоритетных / разрешённых общественных ценностей* (например, «американские ценности», «европейские ценности» и пр.). Социальная опора власти – это *политические элиты, политические партии, элиты крупного частного бизнеса и крупных государственных корпораций, элита государственного аппарата, в т.ч. полиции, служб безопасности, армии, а также представленные в политическом процессе группы гражданских активистов и НКО*. Политический статус основной массы населения/граждан предполагает равные *политические права, свободы и гарантии на участие в легитимации* политических решений государственной власти, а также равные политические права, свободы и гарантии социально-экономического участия для иностранных граждан в зависимости от их статуса пребывания. В эпоху светского демократического государства миссия политики – это мягкая политическая мобилизация населения в интересах верховных правящих групп властной элиты или государственных элит, нацеленных на индустриальное воспроизводство капитала всех видов (финансового, технологического, политического, природного) за счёт использования капитала человеческого, который в более или менее явном виде рассматривается политическим истеблишментом в качестве «расходного материала».

Особенность эпохи светских демократических государств состоит в том, что динамика жизни политических микрокосмов конкретных стран и их союзов определяется соотношением «авторитарных» и «демократических» элементов. При этом в разных странах это соотношение меняется в разных направлениях. Например, в США, Европейском союзе в последние полтора-два десятилетия XXI в. наблюдаются признаки увеличения числа авторитарных элементов политического микрокосма (усиление информационно-технологического, медиационно-информационного, финансового, административного, идеологического, электорального авторитаризма). В те же годы в России есть признаки увеличения числа демократических элементов (наряду с совершенствованием механизмов представительной демократии осуществляется внедрение механизмов совещательной и партисипаторной демократии и пр.) Поэтому можно вести речь о двух тенденциях трансформаций политических микрокосмов светского демократического государства: есть тенденция демократического транзита, когда повышается число демократических элементов (Россия, Казахстан, Китай и др.) и тенденция авторитарного транзита, когда повышается число авторитарных элементов (США, Германия, Великобритания, ЕС и пр.).

Эпоха светских демократических государств не является высшей и финальной стадией развития политического устройства общества. Основные проблемы светского демократического государства, достаточно выпукло обозначаются в актуальной политике и в сообществе политологов [Мельвиль 2015]. «Несмотря на распространение в последние десятилетия демократических режимов правления в разных регионах мира и формальное признание демократических ценностей на всех континентах, усиливается недовольство граждан многих государств тем, как функционирует демократическая система, растёт недоверие к механизмам и институтам демократии» [Кочетков 2015: 98]. В противовес взглядам демократов-финалистов (Ф. Фукуяма и др.), считающих этот тип исторического развития политических систем высшим и окончательным, мы находим многочисленные скептические основания и аргументы, которые сводятся к выводу о том, что политическая эпоха светских демократий будет клониться к закату, архитектура её политических систем не может рассматриваться в качестве образца на все времена, и что современной политической науке предстоит определить черты следующей политической эпохи, которая придёт, видимо, не ранее XXII века. Политический кризис в ЕС (Brexit, политические противоречия во Франции, Германии в 2016–17 гг.), признаки политического кризиса, связанные с фигурами президентов Трампа и

Байдена в США, внешняя политика государств Запада, дестабилизирующая континентальные политические пространства посредством создания локальных конфликтов и «санкционного сдерживания» и, наконец, создание странами Запада политического переворота в Киеве в 2014 г. в качестве «запала» для развязывания гибридной войны против России и другие странские для демократической идиллии события дают дополнительный материал для диагностики признаков «заката» политической эпохи светского демократического государства и выдвижения гипотезы о том, что эпоха светских демократических государств может завершиться к началу XXII века.

К признакам патологического несовершенства эпохи светской демократии относятся:

- ограничения и неравномерность представительства социальных групп граждан в работе политических институтов (непрямые выборы, ограничения активного («неграждане») и пассивного избирательного права (националистические фобии), рукотворные социально-политические конфликты, кризис партийной системы, и пр.;
- доминирование силовых политических элит и государственных над гражданскими;
- закрытость центров власти, элементы династической или коррупционной солидарности правящих политических элит,
- доминирование финансово-экономических интересов элитных групп и групп влияния и высокие социальные издержки экономических кризисов, технократического прогресса в деятельности ВПК и ТНК;
- ограничения, разложение публичной этнокультурной идентичности коренных сообществ, кризис мультикультурализма и социальная гирероднородность;
- создание миноритарных радикальных экстремистских и террористических социальных групп в качестве опоры власти правящих политических элит;
- неустойчивость, разрушение системы правовых международных отношений и высокие социальные издержки локальных войн по всему миру, переход второй «холодной войны» Запада против России в стадию гибридной войны.

Не трудно показать, что большинство признаков кризисного заката политического микрокосма светского демократического государства наблюдаются в США и в подотчётных им государствах Запада, которые стремятся утвердить их по всему миру и законсервировать в качестве единственно возможного глобального социального порядка. Поэтому актуальные проявления политического противостояния давлению Запада – это противостояние попытки политических элит Запада остановить историю, остановить процесс совершенствования политической организации общества, на который ориентированы многие страны незапада (Россия, Китай, Индия и др.)

Обобщая можно заключить: тезис о том, что эпоха светских демократических государств является очередной *промежуточной* ступенью эволюции общества как политического микрокосма, имеет принципиальную важность, прежде всего потому, что требует продолжения решение проблемы сущностной эмансипации человека и общества, которые пока что воспринимаются и используются в качестве «расходного материала» для достижения более важных целей. Кроме того, важность такой постановки вопроса необходима для снятия негласного «табу» на фундаментальную ревизию режима «западной демократии», на эмансипацию идеи о необходимости продолжения поиска более совершенной модели политического устройства для человека исторического-культурного-разумного.

5. Вопрос о будущей политической эпохе относится к рубежу XXII века. Каким будет политический микрокосм общества XXII века?, – это вопрос, у которого нет одномерного ответа. Неопределённость связана с тем, что политический микрокосм современных обществ в XXI веке выходит на фундаментальную развилку, где одно направление дальнейшей эволюции политического микрокосма может пойти в сторону формирования системы кибер-госу-

дарства, когда всё более доминирующим источником социального порядка будет становиться кибер-инженерия. Основными индикаторами этого направления будут признаки деконструкция человека посредством социально-политических практик внедрения идей трансгуманизма, массовой кибер-информационной мобилизации населения в кибер-цифровые микрокосмы с жёсткими кибер-авторитарными режимами, а также преобразования антропомерных структур коллективной-и-индивидуальной идентичности в режимы кибер-регистрации и «подписки» на доступ к различным складам цифровых аватаров. Соответственно, будут наблюдаемые признаки «отмены» живой коллективной (и индивидуальной) социально-исторической памяти людей и замена её машинами кибер-памяти, оснащёнными простыми для управления механизмами сброса памяти.

Второе направление – это движение в сторону сохранения традиционного антропомерного государства, где ключевыми источниками социального порядка остаются культура и личность в сочетании с антропомерными политическими институтами и иными основными источниками социального порядка с приоритетами создания полноценного социального государства. Признаки этого процесса будут давать политики укрепление защитных барьеров для сохранения статуса-кво человека исторического-культурного-и-разумного, политики эмансипации традиций этнокультурного и этно-конфессионального разнообразия коренных групп населения, а также политики сохранения и развития живых структур коллективной социально-исторической памяти, традиционных структур коллективной-и-индивидуальной идентичности.

Перспектива и макетирование дорожной карты по строительству кибер-государства достаточно активно прорабатывается мозговыми центрами Запада (теория «информационного общества» Э. Тоффлера, теория кибер-сознания Д. Деннета, проектный доклад К. Шваба и Т. Маллерета [Schwab, Malleret 2020], кибер-система «Мета» М. Цукерберга и пр.) и других стран (кибер-система социального рейтинга в Китае). Эта перспектива касается, прежде всего поля публичной политики, где центру власти приходится иметь дело в массовым политическим поведением и массовыми движениями живых людей. В частности, тенденция нарастания авторитарных элементов в структуре антропомерного политического микрокосма США конвертируются в кибер-авторитарные. Одновременно с ними происходит формирование новой страты в структуре политической элиты – криптократии (хозяева крупнейших кибер-систем социальных коммуникаций, кибер-биржевых площадок, платформ кибер-ритейла, кибер-валютных платформ и пр.). Кибер-сетевые системы (социальные сети, система «Мета» и пр.) перехватывают и переключают на себя структуры социальной солидарности, которые до рубежа XX века были полностью антропомерными (строились исключительно на самодостаточных, свободных отношениях людей), а теперь заменяются кибер-коммуникационными (переносятся и строятся в полностью управляемой среде «цифровых коммуникаций»). Целевой формой солидарности, которой в рамках этой стратегии овладевает политическая элита и криптократия, – это гражданская общественно-политическая солидарность, имеющая первостепенное значение для правильной работы электоральных и иных механизмов управления социальной толпой в среде политического микрокосма США. Перенос мотивированного коллективного мышления общества (живого общественного сознания) из антропомерной сферы коллективного идеального, где оно недостижимо для авторитарных манипуляций, в цифровую среду кибер-социальных коммуникаций, где мотивы и содержание дискурса становится лёгкой добычей для кибер-авторитарных манипуляций, – это, по всей вероятности, ближайшая перспектива, которая обеспечит полную кибер-авторитарную управляемость голосования на выборах любого уровня и управляемость иными моделями поведения индивида на потребительских рынках. Одновременно происходят процессы деконструкции,

разрушения таких фундаментальных антропомерных структур социальной солидарности, как этнокультурная, семейная, гендерно-половая и др.

Век XXI – это время появления новой ключевой альтернативы человеческой истории, которая связана, прежде всего, с тем, что современная политическая система, ориентированная на массовую переработку «вещества» природы, общества, культуры и человека в интересах воспроизводства капитала и его владельцев, вплотную подступила к тому, чтобы вмещаться в неизменную до сего времени сферу производства «первого рода» (по К. Марксу) – в сферу «производства людей». Научно-технологические и индустриальные возможности современных светских демократических государств (прежде всего, государств Запада) позволяют предполагать, что к концу XXI в. возможен массовый перенос процесса деторождения из естественного состояния на платформу искусственного промышленного воспроизводства «в пробирке». В сочетании с кибер-трансформацией организма человека, повышением числа процедур, регламентирующих социальное функционирование индивида в кибер-среде, это создаёт основу для построения кибер-государства и становления кибер-политической эпохи. Высшая власть в этом случае будет находиться в руках небольшой группы традиционных людей (возможно, достаточно устойчивой популяции), исключивших себя из системы тотальной кибер-техно-модификации человека [Кутырёв 2015], и передающих её по наследству между собой, естественно, с учётом некоей внутренней иерархии. Для нового «общества» доминирующей может стать идеология кибер-транс-гуманизма, утверждающая прогрессивность и правильность переделки «старого» человека толпы, антропомерной науки и антропомерного государства в нового кибер-актора («людэна»), в кибер-науку и кибер-государство. Социальная основа власти, как традиционная часть человеческой, антропомерной власти в этой перспективе исчезает и заменяется кластером людэнов-программистов глобальных кибер-производственно-технологических процессов (криптократия), напрямую обеспечивающих жизнь группы верховых правителей всем необходимым. Основная часть населения превращается в резидентов глобального кибер-государства-фабрики. Теперь это унифицированные техно-и-кибер-зависимые, фабрично синтезированные на био-антропо-генетическом субстрате существа, антропная память которых заменена кибернетической, антропная идентичность которых заменена процедурами регистрации в предписанных кибер-протоколах, а поведение которых соответствует их индивидуальным протоколно предписанным программам и программным приложениям. В настоящее время на уровне повседневной политики сдвиги в этом направлении предвещают:

- попытки перевода традиционного дискурса публичной политики (за экономическую свободу, за социализм, за независимость и пр.) в плоскость продвижения идей транс-сексуальности, транс-гендерности, деконструкции фундаментальной традиционной антропомерной бисексуальной основы брака и семьи, идей трансгуманизма;
- попытки «освободить» от моральных «оков» генную инженерию человека, дойти до уровня промышленной евгеники,
- попытки «освободить» от моральных «оков» технологии клонирования и разрешить промышленную переработку в них человека,
- попытки перевода практик глубокой модификации человека с запрещённых опытов генной инженерии и клонирования в практики кибер-совершенствования человека (вживление чипов и пр.)
- постоянные жалобы на избыточную численность населения на планете и на недостаток ресурсов для обеспечения нормальных условий социального бытия и существования для всех, и пр.
- постоянные жалобы на «дороговизну», «затратность», «неэкономичность» и «экологическую вредность» жизнедеятельности традиционного, живого человека и пр.

На фоне этой активности не трудно показать, что перспектива антропомерного государства и стратегия формирования полноценного социального государства почти не имеет ни научных, ни проектных проработок, опирается в основном на беспечное знание о том, что «так было всегда». Но обстоятельства таковы, что для сохранения антропомерной основы власти в будущем теперь требуются специальные защитные усилия. Стихийная, естественная устойчивость антропомерной платформы, на которой вплоть до рубежа XXI в. строились политические микрокосмы всех стран, теперь теряет свою силу «всеобщего бытия» под давлением Западных политик деконструкции традиционной живой антропомерности коллективных форм общежития в мире людей, политик, соблазняющих идеями абсолютной индивидуальной потребительской свободы, а также под давлением соблазнов тотальной цифровизации «индивидуального мира» (термин Ю. Хабермаса) и его нового встраивания в новое цифровое общество, в среду авторитарно управляемых кибер-коммуникаций.

Проработка перспективы сохранения антропомерной платформы политического микрокосма с приоритетами полноценного социального государства, кроме России, похоже, пока никого не интересуют. Российская гуманитарная и, в частности, политическая наука может занять на этом направлении приоритетные позиции, если займётся разработками мер, которые обеспечат сохранение России в качестве антропомерного социального государства в горизонте текущего столетия. Схематично описанная перспектива светского антропомерного социального государства рассматривается нами как единственно предпочтительная для России альтернатива кибер-государственной перспективе Запада. Движение в сторону этой альтернативы потребует преодоления многочисленных препятствий, в т. ч. мировоззренческих, идейных, геополитических и политических. Эта альтернатива предполагает, в частности, что наряду с развитием «безлюдных» промышленных технологий в России должны развиваться *людные* и *многолюдные* социальные технологии, прежде всего в сферах образования, медицины, управления, науки и искусства, медицины и физкультуры – там где воспроизводятся живые социальные отношения людей, работающих с другими людьми, где происходит живая социальная творческая самореализации и социализации людей с помощью людей и для людей, а также в сфере массового государственно-гражданского социального партнерства, где вырабатываются согласованные между людьми из «власти» и людьми из «гражданского общества» планы, программы, проекты и практики сотрудничества в целях совершенствования качества создаваемого в России общественного блага.

Выводы

Для российской политической науки и для методологии отечественных политических исследований основной вывод по тематике исторического шкалирования сводится к тому, чтобы не скатываться в поиске методологических оснований прикладной аналитики в прокрустово ложе дискуссии о «западном» или «восточном» пути развития, дискуссии об «авторитаризме» и «демократии», о государствах «лидерах» и государствах «изгоях» и т. п. популистским или односторонним подходам, продвигаемым мозговыми центрами и масс-медиа Запада. Напротив, необходимо искать теоретико-методологические ресурсы, которые позволяют осмысливать политическую современность целостно, сущностно, чтобы в любой конкретной исследовательской работе удерживать баланс мировоззренчески и эмпирически опознаваемых реалий, мировоззренческих и эмпирических смыслов политики. Это тем более важно, что проявления пренебрежительного отношения к различным аспектам антропомерной основы современного государства встречаются в России слишком часто. Поэтому, анализируя конкретный политический процесс, мы обращаем внимание не только на то, в какой мере политические элиты, лоббируя те или иные события в собственных интересах, игнори-

руют ожидания больших социальных групп граждан, но на то, в какой мере коммерческие интересы прокладывают свои дорожные карты, разрушая те или иные элементы социальной/человеческой идентичности (снос памятных мест, памятных объектов архитектурной среды и пр.), на то, в какой степени современные власти под теми или иными предлогами стремятся «экономить» на широком общественном участии граждан в общественно-политических процессах и в реализации социальной политики и т. п., на то, в какой степени представители власти осознанно или неосознанно ведут к замене живых социальных отношений с гражданами России структурами кибер-коммуникаций.

Все такого рода отдельные издержки отечественной публичной политики, – кроме того, что формируют локальные низовые конфликтогенные структуры, негативные последствия которых можно наблюдать прямо сейчас, – ослабляют платформенные антропные устои российского политического микрокосма и государства в перспективе XXII века. Конечно, в массе своей действующие политики и коммерсанты не планируют жить так долго, а потому столь удалённые перспективы их не волнуют. Но для фундаментальной политической философии такая близорукость непростительна. Поэтому мы разбираем бисер сцен и мизансцен текущей политики, держа при этом в поле восприятия также и сверхдальние ориентиры, в свете которых мы оцениваем вклад наших действующих политиков в пользу кибер-государственной или атропной перспективы развития политической сферы жизни общества в России.

На этом метаисторическом рубеже смены политических эпох российская политическая наука может занять пионерскую, утверждающую и критическую позицию по отношению к современной демократической политической системе и западному дискурсу о демократии. Во-первых, это может быть фундаментальная теоретическая и прикладная проработка концептуальных основ сохранения России на путях совершенствования, развития отечественного политического микрокосма на принципах антропомерных источников социального порядка, а также проработка конкретных мировоззренческих, ценностных, идейно-политических, конституционных, социально-технологических приоритетов перспективной модели социального государства в России. Во-вторых, это может быть критический анализ противоречий на уровне базовых и видовых признаков светского демократического порядка как особой политической эпохи, в т. ч. мониторинг признаков её политического «заката»; в-третьих – это может быть мониторинг тенденций нарастания элементов авторитаризма в системах светских демократических государств Запада и их трансформации в кибер-авторитарные; в-четвёртых, это может быть критический анализ текущих практик «внедрения демократии» в России, в т. ч. с учётом необходимости выбора новых ориентиров эпохального выбора.

Современная российская дискуссия о лучшем политическом устройстве протекает достаточно оживлённо. В ней звучат идеи монархического правления [Голованов 2017], идеи сталинизма [Курилла 2016], нового «похода Ермака» (новая индустриализация Сибири) [Ильницкий 2021] и др. С позиций нашего подхода к метаисторической политической традиции данные идейно-теоретические позиции также требуют критического осмысления, поскольку, так или иначе, предлагают России реверс к уже пройденным политическим проектам. Конечно, они должны присутствовать в нашем аналитическом багаже. Вместе с тем, России требуется новая энергия и новые научные силы для утверждения своего суверенного видения постдемократической политической перспективы XXII века, перспективы, где наш приоритетный ориентир – это сбережение светского, антропомерного и социального государства.

Алексеева Т.А. 2000. *Поиск новой парадигмы. – Политическая наука в России: Интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия.* / отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ».

Афанасьев М.Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России.* 2-е изд., доп. – М.: Моск. обществ. науч. фонд.

Бусыгина И., Филиппов М. 2012. Агенты и принципалы: чего ожидать после «вертикали власти»? – *Неприкосновенный запас.* – № 4. – Доступно: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/4/agenty-i-princzipaly-chego-ozhidat-posle-vertikali-vlasti.html>. – Проверено: 14.05.2022.

Голованов Р. 2017. В РПЦ задумались о восстановлении монархии в России. – *Комсомольская правда.* – 01.07. – Доступно: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26699.5/3723531/>. – Проверено: 14.05.2022.

Гуторов В.А. 2015. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России. – *Структурные трансформации и структурное развитие отечественных школ политологии.* / Ред. – О.В. Гаман-Голутвина. – М.: Издательство «Аспект Пресс».

Демократия в российском зеркале... 2013. *Демократия в российском зеркале* / Ред.-составители: А.М. Мигранян, А. Пшеворский. – М.: МГИМО-Университет.

Зарубежнов Е.С. 2014. Формы проявления государственного капитализма в современной России. – *Вестник челябинского государственного университета.* – № 2(350). Экономика. – Вып. 47. – С. 55–60.

Ильницкий А. 2021. Время больших решений. – *Парламентская газета.* – 23.09. – Доступно: <https://www.pnp.ru/politics/vremya-bolshikh-resheniy.html>. – Проверено: 14.05.2022.

Кочетков А.П. 2015. Национальное государство в условиях глобализации. – *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы* / Ред. – Л.В. Сморгунув. – М.: Издательство «Аспект Пресс».

Курилла И. 2016. «Возвращение Сталина»: Как понять обострение исторической политики в России? – *Россия в глобальной политике.* – 11 окт. – Доступно: <http://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Vozvraschenie-Stalina-Kak-ponyat-obostrenie-istoricheskoi-politiki-v-Rossii-18419>. – Проверено: 14.05.2022.

Кутырёв В.А. 2012. *Время Mortido.* – СПб.: Алетейя.

Кутырёв В.А. 2015. *Последнее целование. Человек как традиция.* – СПб.:Алетейя.

Лепский В.Е. 2015. *Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ).* – М.: Когито-Центр.

Лосев А.Ф. 1994. *История Античной эстетики. Ранняя классика* / Изд. 2-е, исправленное, доп. – М.: ЛАДОМИР.

Мазур А. 2009. Неофеодализм в России. – *Тайга Инфо.* – 26 ноября. – Доступно: <http://tauga.info/94484>. – Проверено: 14.05.2022.

Мельвиль А.Ю. 2015. «Кризис демократии» и «зависшие» демократии. – *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы* / Ред. – Л.В. Сморгунув. – М.: Издательство «Аспект Пресс». – С. 272–289.

Панарин А.С. 2000. Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма). – *Политическая наука в России: Интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия* / отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ».

Панарин А.С. 2015. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – *История Российской политической науки* / Ред. – Ю.С. Пивоваров, А.И. Соловьёв. – М.: Издательство «Аспект Пресс». – С. 416–428.

Паскуино П. 2013. Демократия: Античная и современная. – *Демократия в российском зеркале* / Ред.-составители: А.М. Мигранян, А. Пшеворский. – М.: МГИМО-Университет. – С. 185–210.

Тоффлер Э. 2002. *Третья волна*. – М.: ООО «Издательство АСТ».

Туровский Р. 2015. Поможет ли государственный капитализм российским регионам? – *Политком.RU*. – 30.01. – Доступно: <http://politcom.ru/18532.html>. – Проверено: 14.05.2022.

Фукуяма Ф. 2003. *Великий разрыв*. – М.: ООО «Издательский дом АСТ».

Хантингтон С. 2016. *Столкновение цивилизаций*. – М.: Издательство АСТ..

Шляпентох В. 2008. Современная Россия как феодальное общество. – *Новый ракурс постсоветской эры* / Шляпентох В.; пер. с англ. Ю. Гольдберга. М.: Столица-Принт

Schwab K., Malleret T. 2020. *COVID-19: The Great Reset*. – Geneva: World Economic Forum.